СКАЧКА ВЪ УРАЛЬСКѢ.

Писалъ я вамъ когда–то, изъ Уральска, какимъ побытомъ держится здѣсь промыслъ рыбной; писалъ, никакъ, что *багрятъ* у насъ рыбицу зимней порой, по льду, когда ложится она почивать на *ятовья*, какъ ложится медвѣдь на зиму въ берлогу; что плавня бываетъ осенняя и весенняя: раскидываютъ сѣти съ бударки, съ остроносой, щегольской, тонкой отдѣлки долбленой лодченки, плывутъ по рѣкѣ да наслушиваютъ рукою, когда толкнетъ въ сѣть хрящевымъ носомъ своимъ осетръ, шипъ, не то севрюга, тогда казакъ подхватываетъ сѣть, коли съ поплавкомъ, одинъ, а коли въ двѣ руки, что называется *плавать свяжою*, то вдвоемъ, съ товарищемъ на другой бударкѣ; бьетъ рыбу по башкѣ чекушкою, чтобы не плясала въ узкой бударкѣ, гдѣ и безъ нее тѣсно, и закидываетъ сѣть или ярыгу снова. Такъ идутъ внизъ по Яику *рубежами*, изъ коихъ

на каждомъ дѣлается новый *ударъ*, и проходится въ сутки.

Осеннею порою, около половины Сентября, собирается народъ на плавню, всѣ въ одно мѣсто, въ одну кучу: первый ударъ бываетъ изъ одной точки, но пушкѣ, до которой никто не смѣетъ ступить бударкою на воду; собираются и съѣзжаются со всѣхъ концевъ, и свои и чужіе, ибо тутъ бываетъ напередъ ярмарка, тутъ и скачка, а послѣ добраго улова гульба и всякое веселье. Пустопорожній, голый берегъ оживаетъ, словно самъ изъ себя людей родитъ; тысячи народа, лошадей, телѣгъ, бударокъ, разъѣзжаютъ по сухому и по мокрому — крикъ, шумъ, каждый подводчикъ или, у кого изъ много, каждый обозъ вывѣшиваетъ на шестѣ свой значекъ, чтобы равняться и оглядываться съ товарищемъ на бударкѣ, а коли ночь застигнетъ при заловѣ, то мальчишки на каждой подводѣ голосятъ на весь міръ, прикрывъ щеку рукой, выкрикивая безъ отдыха имя хозяина: иначе тотъ не добился бы до своихъ во всю ночь; сколько глазъ

обнять можетъ по ровной степи, все дуги, да дуги, а за ними опять таки дуги!

Но коли хотите, не шутя, повидать отрывныхъ молодцовъ, такъ гляньте съ яру, подвернувъ руки, на Яикѣ. Здѣсь отвалъ бударокъ не даромъ называется *ударомъ*, а плаванiе *скачкомъ*! И чортъ ихъ знаетъ; прости Господи, какъ они не перепутаются веслами, руками да ногами; а о сѣтяхъ да о снастяхъ и говоритъ нѣчего! Вѣдь тутъ не десятокъ ихъ и не сотня: тутъ тысяча другая съ хвостомъ, и всѣ заразъ ринулись на воду, и всѣ вдругъ гонятся и летятъ, и гребутъ и кричатъ, перегоняютъ, обгоняютъ — онъ и сѣть выметываетъ, бударкой управляетъ, и рыбу тащитъ, а самъ на вѣсу стоитъ; самого въ бокъ и въ задъ толкаютъ; — глядя на суматоху эту, тебѣ и на сухомъ берегу какъ то не смѣло стоится, что–то нехотя назадъ осаживаетъ, а поди–ка туда въ нашу, въ мѣшанину!

На этомъ рыболовствѣ, равно какъ и на багренномъ, ловится больше *красная рыба* и такъ называема *толковая;* иногда и

сазаны(*) и судаки, жерехи, лещи, а случается порою, что набьется полная ятовь сомовъ, и казаки, подсмотрѣвъ съ осени, что много рыбы ложится, считаютъ на богатый багренный уловъ, да и прошибаются расчетомъ. Впрочемъ и сомъ сходитъ съ рукъ, только не за большія деньги.

И такъ, и нынѣ въ 34 году, было то же; пришла осень, пришла пора плавни, собралось войско, поплыло по Яику, наловили рыбы, наѣхали купцы, навезли

(*) У насъ намѣдни считались двое, промежъ собой, сазаны ли или карпы ловятся, не помню въ какомъ то мѣстѣ, да еще есть ли на овцахъ пухъ, или его нѣтъ? Коли хотите, не наше дѣло, попово, не нашего попа, чужова; кто засыпалъ, тотъ и вымѣси; не хочу и мѣшаться въ чужіе расчеты; скажу только, стороною, какъ здѣсь, у насъ, дѣло бываетъ, и прошу и кланяюсь, не гнѣваться за это на меня, не мотать и мои рѣчи со спорными на одинъ клубокъ. Здѣсь — и въ этомъ я не виноватъ — сазаномъ называютъ то, что на Бугѣ зовутъ каробомъ, карпомъ. Сазанъ, карпъ, каробъ одна и та же рыба. Чтожъ касается овечьяго пуху — то онъ есть здѣсь дѣйствительно. Киргизскія овцы, на которыхъ толстая жесткая шерсть никуда не годится, и которая отдается обыкновенно гуртовщиками за стрижку, а много, много, коли по пяти копѣекъ съ руна; овцы эти одѣваются на зиму , подъ шерстью, довольно тонкимъ подшерсткомъ, пухомъ, который знатоки равняютъ въ добротѣ, мериносовой шерсти средней руки. О сю пору пухъ этотъ пропадаетъ, вмѣстѣ съ шерстью; отдѣлять его довольно хлопотно; требованій значительныхъ на него нѣтъ; заняться здѣсь этимъ не кому, и потому дѣло о пользѣ этого овечьяго пуха не повершено. Сто лѣтъ сидимъ мы здѣсь, посидимъ еще сто — авось разгадаемъ!

Кстати молвить слово еще вотъ о чемъ: многіе думаютъ, что козій пухъ идетъ отъ какихъ–то особенныхъ козъ — Ангорскихъ, что ли; ничего не бывало: каждая простая коза, которая впрочемъ всегда и вездѣ носитъ на себѣ немного пуху, здѣсь одѣвается на зиму потеплѣе, получаетъ долгій и мягкій пухъ, который весною снова роняетъ, и который поэтому легко вычесывается.

денегъ, да все серебра и золота, а бумажекъ какъ–то не везутъ — и казаки начали гулять. Одни вѣсы городовые даютъ войску откупнаго доходу безъ малаго 20,000, а за сборъ соляной пошлины при усолѣ рыбы, платитъ откупщикъ откупной цѣны, тысячъ восемьдесятъ; на сколь–же тутъ рыбы уйдетъ, коли соли одной безъ малаго на сотню тысячъ? Стало быть не одна мошна деньжонокъ оборотится тутъ въ круглый, крещеный годъ!

Между прочимъ была въ Уральскѣ, когда собрались къ улову, и скачка, не на бударкахъ, а скачка на коняхъ. Это заведенiе благое, дай Богъ, чтобъ поддержалось долго! Прежде чѣмъ приступлю къ повѣсткѣ о томъ, чья лошадь и сколько прискакала, и что взяла ставки, скажу слово о коняхъ здѣшнихъ.

Башкирскiе, Калмыцкiе и Киргизскiе кони — вотъ три главныя породы здѣшняго края. Туркменскихъ аргамаковъ и дорогихъ породъ лошадей изъ небольшаго числа частныхъ заводовъ, не причисляю я сюда же: это иностранцы. Казачьи заводы и

табуны происходятъ всѣ отъ первыхъ: здѣсь нѣтъ собственно Уральской или Оренбургской породы, какъ на Дону есть порода Донская. Башкирская порода отъ крайняго небреженія, отъ того что не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на случку отборныхъ жеребцовъ и кобылъ, а представляютъ всякое попеченіе о скотоводствѣ своему Аллаху и великому пророку его, переродилась, перевелась и упадаетъ съ году на годъ. Къ крайнему сожаленію, почти то же сказать можно и о Киргизахъ, но здѣсь какъ–то еще, по крайней мѣрѣ въ глубинѣ степи, судьба уберегла доселѣ нѣсколько добрыхъ чистыхъ породъ, и ихъ предпочитаютъ Башкирскимъ. Чудное дѣло: коннорождающие народы эти искони пристрастились къ табунамъ своимъ; табуны ихъ и кормятъ и поятъ, они же и одѣваютъ, но кромѣ счета, примѣтъ и отмѣтъ косяковъ своихъ, не знаютъ они ничего. Въ этомъ, состоитъ весь присмотръ; — уродись же рѣзвый, неутомный конь — тогда его берегутъ и

холятъ и красуются и похваляются имъ, а сами искусственнаго улучшенія породъ и во снѣ не видаютъ!

Настоящая Калмыцкая порода коней, толстоголовыхъ, малоухихъ, горбоносыхъ также почти перевелась въ Оренбургскомъ краѣ; она сквозитъ еще въ косякахъ Ставропольскаго Калмыцкаго войска; а всѣ Калмыки, причисленные къ казакамъ Оренбургскимъ и Уральскимъ, водятъ коней Башкирскихъ, Киргизскихъ и Казачьихъ. И такъ, Калмыцкая лошадь значитъ на Уралѣ только то, что она въ рукахъ у казака — Калмыка, а порода ея этимъ ничуть не обозначена. Настоящихъ Калмыцкихъ коней надобно искать у Калмыковъ Тюженевскихъ, въ Астраханской Губерніи. Нынѣ въ Оренбургскомъ краѣ считаютъ вообще до одного милліона коней; около 20,000 идетъ ежегодно въ продажу, и изъ этого числа болѣе половины за Уралъ, въ Киргизскую степь. Золотая година миновала, гдѣ степь снабжала край лошадьми; — нынѣ дѣло пошло наоборотъ; тамъ бѣдность и нищета;

баранты и усобицы, изводятъ стада и имущества дикарей степныхъ; голодные и холодные годы, какъ напримѣръ изъ нынѣшнихъ 1827–й, погубили въ степи несмѣтное множество лошадей.

Приведу вамъ въ примѣръ богатѣйшаго изъ Оренбургскихъ Кайсаковъ, бывшаго Старшину Исягильдія Янмурзина: у него въ двадцатыхъ годахъ считали до 12,000 коней — а кто и говоритъ, что де не было двѣнадцати, такъ мирися на осьми — и того довольно, а нынѣ у него нѣтъ и восьми сотъ. Коли ежегодно такое огромное количество нашихъ коней идетъ, за барановъ, въ степь, то ясно, что и Киргизская порода, близъ линіи, должна быть переводною; и точно, вы здѣсь настоящихъ Киргизскихъ коней не найдете. За ними ступайте въ глубь степи, къ Чиклинцамъ, къ Джегалбайлинцамъ, къ Адаевцамъ — даже у Хана Джангера, во внутренней Ордѣ, найдете вы истыхъ

Киргизскихъ коней очень не много. Круглая цѣна Башкирскимъ конямъ здѣсь не свыше 25 рублей за голову; конямъ Киргизскимъ и казачьимъ — много небольше; круглая цѣна, говорю, доброму и ледащему; я знаю, что Киргизы даютъ иногда по два, по три, по пяти верблюдовъ за скакуна, а Бухарцы, которые цѣнятъ ходаковъ и иноходцевъ, набиваютъ иногда цѣну на нихъ до невѣроятности, но это особая статья, и въ разсчетъ не входитъ. Лошаденки здѣшнія довольно рѣзвы, сносливы въ работѣ при бѣдномъ кормѣ, но малорослы, а потому и слабосильны. — На скачку ихъ подготавливаютъ или подмариваютъ, то есть, скакуна проѣзжаютъ по вечерамъ, и ставятъ, въ сѣдлѣ, на всю ночь къ привязкѣ, не давая корму; вообще же Киргизы конямъ своимъ никогда ближе четырехъ часовъ послѣ поѣздки ни пойла, ни корму не даютъ; иногда, правда, во время самой поѣздки, поятъ лошадь и горячую, но только уже сейчасъ же проѣзжаютъ рысью. Овса Киргизы и не знаютъ, а казаки, и даже

Башкиры, подготавливая коней, задаютъ имъ иногда по немногу овса или ячменя. Кто богатъ кобылицами, поитъ любимаго скакуна кобыльимъ молокомъ. Это дѣлается особенно въ степи.

Коли, можетъ статься, спросите: много ли выдержитъ добрый скакунъ здѣшній? то заставите призадуматься. Вотъ вамъ нѣсколько примѣровъ, а впрочемъ степь дорога не мѣрная; одно средство узнать правду — это скачка по мѣрному поприщу, а это здѣсь еще новизна, и завелесь она, хоть бы въ Уральскѣ, недавно. Полагаютъ, что Киргизъ дѣлаетъ обыкновенно суточный переходъ, на рысяхъ во сто, въ полтораста верстъ, на одномъ конѣ; одвуконь перебѣжитъ онъ легко и двѣсти. Одвуконь, отреконь, не означаетъ подставы на пути; это просто вотъ что: я сѣдлаю двухъ, трехъ, четырехъ коней, сажусь на одного, остальныхъ гоню передъ собою, а иногда веду на чембурѣ, и, пересаживаясь съ сѣдла на сѣдло, даю отдыхать конямъ поочередно. Коли прилучится ?? въ хвостъ и въ голову, такъ загнанную лошадь

покидаю. Изъ Орска въ Бухару, одометромъ вымѣренная дорога 1,500 верстъ, поспѣваетъ Кайсакъ одвуконь, на 13–й, 15–й день, и увѣряетъ, что поспѣлъ бы въ лучшую погоду, на лучшихъ коняхъ, еще скорѣе. Заручиться не заручусь, а говорю говореное. Когда убили Султана Медета Галія, на устьѣ рѣки Камышлы, въ 80 верстахъ отъ Орской крѣпости, то вѣсть объ этомъ дошла на Илекъ, до устья рѣки Карабутанъ, къ Султану–Правителю, что составляетъ, примѣрно, болѣе 250 верстъ — въ 30 часовъ. Два гонца прискакали, на трехъ коняхъ, безъ сѣделъ, босые и полунагіе, а поэтому вѣроятно и не имѣли времени отбирать скакуновъ.

Теперь стану говорить о скачкѣ, которая происходила сего 17–го Сентября въ присутствіи Наказнаго Атамана Уральскаго Казачьяго войска, Членовъ Войсковой Канцеляріи и при стеченіи многаго множества крещенаго и некрещенаго люду. И Султанъ–Правитель, и другіе почетные Ордынцы посѣтили празднество наше. Кругъ былъ отбитъ въ мѣрныя три версты,

и обнесенъ двумя канавами. Сперва пущены были 23 лошади собственно Уральскихъ заводовъ; изъ нихъ выскакала лошадь казака Калмыка, Бурчи Чурюмова, обскакавъ шесть круговъ, или 18 верстъ, въ 23 минуты; пять коней получили изъ Войсковой Канцеляріи, ставки; а именно: 1) Чурюмова 150 руб.; 2) Даржаева, 100 руб.; 3) Сулейманова, 80 руб. 4) Наказнаго Атамана, 70 руб. 5) Есаула Узбекова, 50 руб. Вслѣдъ за этимъ, скакали 30 коней степныхъ, Киргизскаго заводу, на семь круговъ, или 21 версту. Изъ нихъ первая выскакала лошадь Султана–Правителя Баймухамета Айчувакова, обскакавъ семь круговъ въ 20 минутъ. Она получила наградные 120 руб. Вторая казака Нагацкина, 90 руб.; третія, Горынина, 70 руб.; четвертая, Джембекова 50 руб., пятая, Султана Махмуда Алгазина, 40 рублей.

На третій день, то есть 20–го Сентября, пополудни въ 5 часовъ, была перескачка рѣзвымъ конямъ, получившимъ награды на скачкѣ, всѣмъ вмѣстѣ Киргизскимъ и

Уральскимъ. При этомъ случаѣ, скакунъ Чюрюмова, взявшій на скачкѣ первую ставку, и теперь выскакалъ далеко впередъ, но спотыкнулся со всѣхъ ногъ и упалъ, а товарищи, не дожидаясь его, пронеслись мимо. Недруги! что бы обождать, да лежалаго поднять! Перескачка была назначена на четыре круга, или въ 12 верстъ; лошадь казака Дельгина Нагацкина, взявшая на скачкѣ лошадей Киргизской породы вторую ставку, вышла здѣсь напередъ, и взяла 80 рублей. Всѣ наградныя деньги раздавались изъ войсковой суммы.

Я сказалъ уже, что Калмыки здѣшніе имѣютъ коней не иной породы, какъ и прочіе казаки, но они всегда почти, какъ теперь, берутъ наградные вклады на всѣхъ скачкахъ, куда являются. Калмыки Уральскаго Войска славятся добрыми лошадьми, и уже вѣрно не пропустятъ ни одной скачки безъ попытки. Такъ, на скачкѣ, которая была при празднествѣ, что давалъ нынѣшній Правитель внутренней Киргизской Орды, при возведении его въ

Ханское достоинство, первую ставку взяла Уральская Калмыцкая лошадь; такъ и нынѣ, когда, единовременно со скачкою на Уралѣ, тотъ же Ханъ давалъ, по случаю свадебнаго празднества, пиръ и скачку — опять Калмыкъ, Узенской Уральскій казакъ, взялъ первую награду.

Нынѣ мѣстное начальство старается распространить Уральскій войсковой заводъ, существующій въ маломъ только видѣ. Уральское Войско имѣетъ всѣ средства и способы къ разведенію лучшихъ степныхъ казачьихъ коней; денегъ у него много; простора довольно; добрые казачьи кони изъ первыхъ рукъ; даже аргамаковъ и степныхъ караваировъ, которые даютъ съ мѣстными породами кобылицъ отличныхъ лошадей — могутъ имѣть скорѣе и сходнѣе чѣмъ гдѣ нибудь. Нынѣ Войсковое начальство платитъ по 250 руб. за казачьихъ лошадей подъ гвардейскую сотню свою; цѣна чрезвычайно высокая, а между тѣмъ, все таки нуждается сотня въ добрыхъ коняхъ, потому что ихъ нѣтъ въ потребномъ количествѣ. Коли уже

Оренбургское Войсковое начальство, честной, признательной памяти достойный Генералъ–Маіоръ Адамъ Григорьевичъ Энгельгардтъ, успѣлъ основать и завести конскій заводъ, при всей крайней органиченности средствъ и способовъ, ибо войсковая сумма тамъ бѣдна, доходовъ нѣтъ, и необходимѣйшіе расходы едва только покрываются — то уже Войску Уральскому невпримѣръ сподручнѣе обзавестись своимъ заводомъ, который, при добромъ хозяйствѣ и распорядкѣ, оставитъ далеко за собою всѣ подобныя заведенія здѣшняго и сосѣднихъ краевъ.

КАЗАКЪ ЛУГАНСКІЙ